

НОВЫЙ ИДОЛЪ *)

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было утверждать, что европейскому культурному міру угрожаютъ два врага — одинаково сильныхъ и страшныхъ: коммунизмъ и национализмъ. Борьба классовъ и борьба народовъ сжигала Европу, какъ свѣчу, съ двухъ концовъ. Вопросъ, казалось, лишь въ томъ, какой огонь добѣжитъ скорѣе до середины: до точки взрыва. Суждено ли намъ погибнуть въ міровой войнѣ или въ міровой революціи? Но было ясно и тогда, что два исхода ведутъ къ одному. Война неизбежно приведетъ къ революціи, а революція — къ войнѣ. Поэтому всѣ разговоры на тему о томъ, какое зло больше — национализмъ или коммунизмъ — являлись, по существу, праздными. На насъ, на русскую эмиграцію, Провидѣніемъ возложена своя миссія: борьба съ коммунизмомъ. Для того мы здѣсь, на чужой землѣ, чтобы выполнить нашъ долгъ. Но только ослѣпшіе въ подпольѣ глаза могли не видѣть двусторонней опасности и считать коммунизмъ единственнымъ врагомъ человѣчества. Такъ старый русскій революціонеръ, закрывая глаза на сложность дѣйствительности, видѣлъ въ самодержавіи главнаго врага міровой свободы и культуры.

Какъ недавно это было — тому назадъ какихъ-нибудь три года, — и что осталось отъ этой привычной политической обстановки? Коммунизмъ разгромленъ во всемъ мірѣ. Онъ мертвъ, какъ можетъ быть мертво политическое движеніе, еще вчера казавшееся мощнымъ и яростнымъ. Въ Германіи и Австріи — вчерашней цитадели марксизма — онъ утопленъ въ крови, вмѣстѣ съ социаль-демократіей. Во Франціи, гдѣ еще недавно коммунизмъ шумѣлъ, разбухая на московскія субсидіи, онъ выдохся, присмирѣлъ, мечтаетъ о возвращеніи въ лоно со-

*) Помѣщая статью Г. П. Федотова, редакція оговариваетъ свое несогласіе съ рядомъ развиваемыхъ авторомъ положеній, въ частности съ его утвержденіемъ о происходящемъ будто бы «націоналистическомъ» перерожденіи совѣтской политики. Ред.

ціалистической партіи, выставляя умѣреннѣйшую парламентарную программу. Троцкистскій расколъ, увелшій отъ него искреннія революціонныя силы, и охлажденіе Москвы обезкровили во Франціи воинствующее крыло рабочаго движенія. Въ англо-саксонскомъ мірѣ оно никогда не было сколько-нибудь вліятельнымъ. Въ половинѣ Европы — къ востоку отъ Альпъ и Рейна, гдѣ развѣвается, въ тѣхъ или иныхъ цвѣтахъ, знамя фашизма, о коммунизмѣ не можетъ быть и рѣчи. Онъ задушенъ безошадно и окончательно.

Навсегда ли? Этого мы сказать не можемъ. Точнѣе, можемъ сказать навѣрное: коммунизмъ воскреснетъ непременно — въ старой или новой идеологической одеждѣ — если міръ не выстарѣетъ изъ капиталистическаго хаоса или повторитъ безуміе новой войны. Ибо коммунизмъ есть дитя хаоса и тѣни войны. Смерть стараго міра выдѣляетъ его бактерии, какъ побочный продуктъ разложенія. Но такой коммунизмъ не зависитъ ни отъ Москвы ни отъ идейнаго наслѣдія Ленина. Отвѣтственность за него несутъ тѣ, кто держитъ сейчасъ въ своихъ рукахъ управленіе политическимъ и хозяйственнымъ рулемъ міра.

Гибель коммунизма въ центральной и восточной Европѣ связана съ разгромомъ социаль-демократіи. Враги не разбираютъ отгѣнковъ «марксистской» мысли и тактики. Вчерашніе братья-соперники встрѣтились у эшафота и въ концентраціонныхъ лагеряхъ. И ясно, что не одно внѣшнее насиліе ихъ сломало, но также и исчерпанность, вырожденіе той идеи, которая объединяла оба крыла рабочаго движенія: идеи классово́й борьбы.

Значительныя группы рабочаго «класса» влились въ армію фашистскихъ побѣдителей. Они вѣрятъ теперь, что осуществленіе ихъ социальныхъ чаяній — право на трудъ, на достойное человѣка существованіе — принесетъ не побѣда класса, а торжество національнаго надклассоваго государства. Фашизмъ даетъ это обѣщаніе, и пока встрѣчаетъ довѣріе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не видимъ, чтобы это довѣріе было имъ оправдано. Еще рано судить о концѣ фашистскаго эксперимента, но пока онъ представляется скорѣе дѣломъ консолидаціи давшаго трещину капитализма, чѣмъ серьезной попыткой его преодоленія. Вотъ почему крушеніе классовой борьбы пролетаріата не принадлежитъ къ утѣшительнымъ явленіямъ современности.

Не намъ защищать идеологию классовой борьбы, отравлявшую нѣсколько поколѣній моральное сознаніе рабочаго. Но остается фактомъ, что сама борьба эта была въ тече-

нѣ послѣдняго столѣтія однимъ изъ мощныхъ факторовъ соціальной реконструкціи. Именно она, вопреки всѣмъ доктринерскимъ теоріямъ экономическаго либерализма, содѣйствовала гуманному соціальному законодательству, смягченію капиталистической эксплуатаціи, культурному подъему народныхъ массъ. Ни одинъ режимъ не склоненъ къ самоограниченію, не вынуждаемый къ этому борьбой враждебныхъ группъ. Въ современныхъ уцѣлѣвшихъ демократіяхъ именно это отсутствіе серьезнаго рабочаго давленія объясняетъ безпечность правящихъ верховъ, ихъ легкомысленную работу штопальщиковъ передъ лицомъ открывшагося хаоса. Виѣсть съ рабочимъ классомъ изъ міра выпалъ сейчасъ одинъ изъ могучихъ тарановъ прогресса. Эта сила, конечно, являлась до извѣстной степени слѣпой, зачастую разрушительной, но все же оставалась огромнымъ потенциальнымъ источникомъ энергіи въ рукахъ смѣлаго реформатора.

Современные экономисты указали, что численная и моральная слабость рабочаго класса объясняется измѣнившимся характеромъ промышленной техники и организаціи. Въ вѣкъ рационализаціи убываетъ значеніе мускуловъ, и возрастаетъ вліяніе мозга: инженеръ и технической сотрудникъ вытѣсняють рабочаго. Вѣроятно, это такъ. Но этотъ процессъ, едва начавшійся въ Америкѣ, не казался еще значительными перемѣнами въ хозяйствѣ Европы. Гораздо дѣйствительнѣе результаты разложенія классової психологіи психологіей національной. «Сознательный пролетаріатъ» продуктъ не завода, а доктрины. Рабочій, сознавшій себя прежде всего нѣмцемъ, итальянцемъ, французомъ, перестаетъ быть пролетаріемъ. И въ этомъ процессѣ роль войны, вѣроятно, значительнѣе новыхъ хозяйственныхъ формъ.

Самое характерное для нашего времени — это побѣда національной идеи въ Россіи.

Внѣшняя ли опасность, несомнѣнно, угрожающая СССР, дальнѣйшее ли развитіе Сталинскаго «соціализма въ одной странѣ», но политика и идеологія Совѣтовъ, несомнѣнно, вступили въ фазу острой націонализаціи. Уже давно бряканіе оружія в Москвѣ заглушаетъ мотивы интернационалистическаго антимиитаризма. Но раньше мы понимали эти танки на Красной площади, какъ подготовку міровой революціи. Война для Сталина и Ворошилова, казалось, была лишь формой развертыванія революціи. Теперь приходится сказать: дальновиднѣе были тѣ европейцы, которые считали, что подъ красной маской СССР продолжаетъ традиціонную русскую экспансію въ

Азіи. Именно ударъ изъ Азіи, на Дальнемъ Востокѣ, вызвали новую кристаллизацию и въ европейской политикѣ Совѣтовъ. Союзъ съ Франціей и версальской группой державъ, отказъ отъ ревизии договоровъ (главный ферментъ революціи!), прекращеніе поддержки коммунистовъ Европы, показывается, что мечта о мірбовой революціи погребена окончательно. Сталинъ никогда не былъ интернационалистомъ по своей природѣ: всегда презиралъ европейскаго рабочаго и не вѣрилъ въ его революціонныя способности. Добившись единоличной, неограниченной власти въ величайшей странѣ міра, что удивительно-го, если онъ приноситъ въ жертву этой власти (и странѣ, съ нею связанной) остатки своихъ бывшихъ псевдо-религіозныхъ убѣжденій? Интернациональный коммунизмъ для него, вѣроятно, значитъ не больше, чѣмъ православіе для императорской дипломатіи послѣднихъ столѣтій: необходимый декорумъ для защиты національныхъ интересовъ.

Вещь неслыханная, невозможная вчера: въ СССР родина объявлена священнымъ словомъ. Родина склоняется во всѣхъ падежахъ, комсомольцы учатся патриотизму по классическимъ прописямъ: т. е. прежде всего національной гордости. Первая въ мірѣ страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая! На нее покушаются, мы дадимъ отпоръ. И враги — это уже не міровая буржуазія, а конкретно: Японія, Германія. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественное предполагать, что власть только открыла щлюзы, долго сдерживавшіе потокъ бурной національной стихіи.

Вчера можно было предскаывать грядущій въ Россіи фашизмъ. Сегодня онъ уже пришелъ. Настоящее имя для строя СССР — національ-соціализмъ. Здѣсь это имя болѣе умѣстно, чѣмъ въ Германіи, гдѣ Гитлеръ явно предалъ національ-соціалистическую идею. Сталинъ, измѣняя коммунизму, становится національ-соціалистомъ, Гитлеръ, измѣняя себѣ, превращается въ вульгарнаго націоналиста. Во всякомъ случаѣ кровное родство между фашистской группой державъ, включая Россію, несравненно сильнѣе ихъ національныхъ отличій: послѣднія носятъ порой чисто символическій характеръ.

Итакъ, национализмъ торжествуетъ во всемъ мірѣ: въ демократіяхъ, въ фашистскихъ государствахъ и въ псевдо-коммунистической псевдо-республикѣ. Въ демократіи национализмъ консервативенъ, являясь формой коллективной защиты интересовъ; въ фашизмѣ онъ агрессивенъ, борется не столько за интересы, сколько за чистую мощь и принимаетъ форму соціальной религіи, требующей человѣческихъ жертвъ.

Сто лѣтъ тому назадъ націонализмъ совершалъ свое побѣдное шествіе по Европѣ, и тогда его буря была оплодотворяющей и творческой. Онъ освобождалъ угнетенные народы, онъ собиралъ въ единство изъ раздробленія, онъ поднималъ цѣлину національной «земли», — изъ погребенныхъ историческихкихъ кладовъ, изъ этнографическихкихъ сокровищъ зачиная новую «романтическую» культуру, несравненно болѣе глубокую и богатую, чѣмъ рационалистическая сушь универсальнаго 18-го вѣка. За истекшее столѣтіе культурный націонализмъ въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, повидимому, себя исчерпалъ. Всѣ національныя темы изслѣдованы, разработаны и стали давно международнымъ товаромъ. Правда національной культуры, какъ правда личной самобытности, не перестала быть правдой. Но она стала ложью въ обстановкѣ капиталистическаго и научно-позитивнаго вѣка, не знающаго духовныхъ національныхъ границъ. И теперь мы присутствуемъ при парадоксальномъ зрѣлищѣ: новыя поколѣнія, отталкиваясь съ судорожной силой отъ этого интернаціональнаго наслѣдія капиталистическаго вѣка, безсилны замѣнить его исчерпаннымъ содержаніемъ національной культуры. Национальное становится пустымъ словомъ, флагомъ-символомъ, подъ которымъ провозвѣщается старый интернаціональный товаръ, только другой марки.

Посмотрите на воинствующую молодежь всѣхъ фашистскихкихъ (и «коммунистическихкихъ») народовъ. За яростью, искажающей человѣческія лица, за жестами вызова, ненависти, борьбы, — какое содержаніе заполняетъ ихъ черепныя коробки? Какова картина ихъ новаго міра? Не одна ли и та же для всѣхъ? Гиганты современной техники, авіація, радіо, интернаціональный кинематографъ, вытѣснившій національный театръ, мораль казарменной дисциплины и вѣрности вождямъ, и маршировка, маршировка безъ конца... Но что можетъ быть интернаціональнѣе техники и психологій войны? Современный солдатъ — это пролетарій военной индустріи.

Хотѣлось бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ отличаются другъ отъ друга образы родины, во имя которыхъ народы лютуютъ утопить въ крови свое нѣкогда живое христіанское и культурное единство. Германія — это прежде всего коллективная мощь, дисциплина, экспансія въ мірѣ. Но это точь-въ-точь формула Италіи, націоналистической Франціи, а теперь и молодой Россіи. Ради монолитности этой мощи изъ образа Германіи исключаютъ Гете, Канта, старый идеализмъ — все, чѣмъ Германія свѣтила міру, въ чемъ было ея подлинное національное лицо. Муссолини пожелалъ исключить изъ образа Италіи

ея великое христіанское средневѣковье, ея христіанское барокко, все, что было живописнаго, неповторимо-своеобразнаго въ чарующемъ имени Италіи — для всѣхъ народовъ. Онъ оставилъ призракъ античнаго Рима, абстрактный и бездушный, въ которомъ нѣтъ (никогда не было) ни грама національной индивидуальности, — общее наслѣдіе всѣхъ европейскихъ народовъ.

Чтобы быть справедливымъ, надо признать, что кое-что изъ великаго прошлаго привѣшивается къ безличному товару современнаго націонализма: такъ, иногда на плакатѣ народный костюмъ или даже мифологическій персонажъ служатъ средствомъ рекламы для интернаціональнаго продукта. И какъ ничтоженъ этотъ національный привѣсокъ: въ Германіи берется кое-что отъ романтиковъ, во Франціи нѣчто отъ классицизма 17-го вѣка, съ умерщвленіемъ самаго глубокаго и непосредственнаго въ выраженіяхъ національной души.

Уяснить природу современнаго націонализма легче всего на международныхъ спортивныхъ состязаніяхъ. Всѣ участники подчиняются одинаковымъ правиламъ игры. Они проходятъ одну и ту же культуру мускуловъ. Ихъ психики, какъ двѣ капли воды, походятъ другъ на друга. Они отличаются лишь нѣчтомъ одежды и сознаніемъ принадлежности къ разнымъ коллективамъ. Борьба и спортъ требуютъ, по самой сути дѣла, раздѣленія на коллективы. При достаточной страстности игроковъ, партій цирка, какъ въ Византіи, могутъ вести борьбу въ серьезъ, до крови и убійства, и все-таки за ней не будетъ стоять никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ страсти къ борьбѣ, какъ таковой.

Случайность рожденія бросила современнаго юношу, отвыкшаго отъ мысли, равнодушнаго къ искусству, утратившаго религію, — въ ту или иную «родину». Онъ связалъ примитивный военный идеалъ съ этимъ, а не инымъ коллективомъ. Цвѣтъ знамени — да, можетъ быть, еще языкъ — напоминаютъ ему объ этомъ. Доставить торжество своему коллективу надъ остальными, дѣной униженія — а еще лучше, уничтоженія ихъ — вотъ его дѣль. Нерѣдко благо своей страны отступаетъ на задній планъ передъ потребностью нанести вредъ чужой: отомстить, насытить гордость и волю къ мощи, потому что для нашего-то историческаго дня, безспорно, правъ Ничше, одинъ изъ главныхъ его пророковъ: міромъ движетъ не борьба за существованіе, а воля къ власти.

Въ такой настроенности не пугаетъ и перспектива общеніи гибели. Лучше смерть, чѣмъ торжество врага. Пусть погиб-

нетъ этотъ мѣръ, гдѣ моя страна не можетъ занять перваго мѣста. Быть можетъ, на голой землѣ, голые дикари, — мы насытимъ безъ помѣхи свою волю къ власти. Такіе голоса иногда доносятся изъ Германіи. Но наци, съ послѣдней откровенностью безумныхъ, разбалтываютъ то, что дремлетъ въ душѣ современнаго націоналиста. Не нужно обманываться его побѣдными, бодрыми маршами. Въ глубинѣ души онъ не вѣритъ въ счастливый исходъ. Его родина окружена кольцомъ враговъ. Борьба народовъ не имѣетъ ни конца, ни разрѣшенія. Какъ Самсонъ, онъ готовъ обрушить колонны невидимаго ему (слѣпо-му!) храма культуры и похоронить своихъ и чужихъ подъ развалинами.

Нельзя не обратить вниманія на то, что за послѣдніе годы всѣ самыя тяжкія и возмутительныя политическія преступленія совершались фанатиками націонализма. Отъ убійства президента Думера до убійства короля Александра, черезъ кровь Дукъ, Дольфуса, июньскую (1933) бойню въ Германіи, — всѣ политическія злодѣянія совершались «патріотами». Мы привыкли видѣть руку коммунизма за каждымъ актомъ международнаго террора. Но нѣтъ, всякій разъ передъ нами оказывается жертвоприношеніе на алтарѣ отечества. Нѣкоторыя изъ этихъ злодѣяній поражаютъ своей бессмысленностью, другія — совершенной безцельностью. Конечно, преступленія во имя идеи еще не исключаютъ цѣнности самой идеи. Звѣрства религиозныхъ войнъ и религиозный терроръ въ 16-17-омъ столѣтіяхъ еще не дискредитируютъ религіи. Но во всякомъ случаѣ они дискредитируютъ извѣстныя формы и состоянія сознанія. Они свидѣтельствуютъ о глубокой болѣзни или вырожденіи идеи.

Давно уже было сдѣлано сравненіе нашей эпохи съ Греціей пелопонезской войны. Есть много очарованія въ греческомъ полисѣ, крошечномъ городѣ-государствѣ, который, ревниво охраняя свою самостоятельность, развивалъ внутри городскихъ стѣнъ свои, личныя особенности великой обще-греческой культуры. Но пришла пора, и греческій геній сталъ задыхаться въ этомъ партикуляризмѣ. Общеніе давно уже создало общегреческій *κοινωνία*, а полисы боролись за гегемонію до взаимнаго истребленія. Передъ Греціей всталъ выборъ: единство или смерть. Совершенно такъ же онъ стоитъ и передъ новой Европой, единой въ своей культурѣ и безнадежно разорванной политическими границами.

Еще разъ будемъ справедливы и признаемъ, что современный націонализмъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одну творческую задачу: это задача социальная. Для расистской молодежи «ра-

бочая», «социалистическая» Германія — не пустая фраза. Лѣвые круги французской и англійской идеалистической интеллигентности — «Esprit», «New Britain» и др. — недаромъ связываютъ социальный реформизмъ и даже революціонизмъ съ національной идеей. Во-первыхъ, есля переходить отъ словъ, отъ социалистической фразеологій, къ дѣлу, то существующее національное государство является единственной данной территоріей для экономического строительства. Въ условіяхъ современной таможенной войны между народами и подготовки къ войнѣ военной, бессмысленно уже мечтать объ организаціи мірового хозяйства. «Социализмъ въ одной странѣ» — единственное, что остается для практическаго политика, и планъ де-Маяна для Бельгій учитываетъ эту реальную возможность. Въ «New Britain» группа молодыхъ идеалистовъ не устаетъ твердить, что всякіе разговоры о международномъ починѣ сейчасъ безответственны, что они приведутъ къ пассивности, къ убаживанію перспективами будущаго. Единственное, что у насъ есть — это Англія, и Англія должна начать новый экономическій экспериментъ, «вынести свой домъ», и указать дорогу другимъ.

Вотъ, по истинѣ, благородная форма національной гордости. Быть первымъ въ жертвѣ, въ трудѣ, въ опасности; вести за собой другихъ — не насиліемъ, а примѣромъ: это мечта стараго русскаго славянофильства, оживающая сейчасъ въ религиозномъ мессіанизмѣ демократическихъ странъ. Съ послѣдней надеждой мы смотримъ на эти юныя дружины (единственный христіанскій активъ въ политическомъ мірѣ), слабыя числомъ, но сильныя духомъ. Удастся ли имъ совладать съ силами хаоса: съ эгоизмомъ собственниковъ, съ нетерпѣніемъ массъ, съ ненавистью народовъ?

Но если мы дѣлаемъ исключеніе для демократическаго мессіанскаго націонализма Запада, то окажемъ снисхожденіе и для молодого совѣтскаго націонализма. Москѣ 15-16 лѣтъ изсущающей школы марксизма, слово «родина» звучитъ, какъ голосъ изъ иного міра. Классовая этика слѣдила ненавистью, какъ песокъ въ пустынѣ. Родина — открытый въ пустынѣ родникъ. Какъ понятно, что люди, забывшіе вкусъ живой воды, пьютъ, и не могутъ напиться. Не устаютъ славить красоту, силу и величіе роины, еще не смѣя назвать ея имени. Въ этомъ возвращеніи образа Россіи ея взыбунтовавшимся снится есть медленная постепенность, дозидная дозировка. «Сперва показалась Россіи красная: въ бурѣ революціи, ошестивившаяся штыками противъ всего міра (Франція времяъ Конвента)». Сегодня разрѣшено пос

пѣвать красоту родной земли въ безконечномъ разнообразіи ея пейзажей. Сталинъ, вѣроятно, полагаетъ, что это его земля, и что ея красота увеличиваетъ престижъ республики. Пусть такъ. Но я не думаю, чтобы земля была такой нейтральной, пустою вещью. Есть цѣлыя міросозерцанія, которыя просто несовмѣстимы съ духомъ земли, какъ и съ духомъ красоты вообще. Марксизмъ есть именно одно изъ такихъ міросозерцаній. Онъ не выноситъ пейзажа, какъ ночныя привидѣнія пѣнія пѣтуховъ. Всякое органическое начало жизни ему противно. Возвращаясь къ землѣ, русскій мальчикъ пьетъ изъ софійной чаши мира, и мудрость земли всгупаегъ въ борьбу съ безуміемъ осатанѣвшихъ машинъ.

Не только земля, и русская культура получила амнистию, частичную, конечно. Уже смолкають предостерегающіе голоса противъ русскихъ классиковъ. Дворянскіе писатели, Пушкинъ, Голстой, Тургеневъ должны слѣлаться учителями рабоче-крестьянской Россіи. И мы знаемъ, что новый, вчера зародившійся, пятидесятимлліонный читатель съ жаждою поглощаетъ изслѣдіе прозлаго.

Когда думаешь здѣсь о страшной чашѣ государства въ Россіи, о монополіи его «просвѣщенія», о подломъ тонѣ его печати, становится страшно за душу народа. Какъ не разложиться ей въ этомъ развратѣ, составляющемъ самый воздухъ социальной жизни! Но вотъ — Пушкинъ, Толстой... Положите на одну чашку вѣсовъ страницу «Войны и Мира», одно лирическое стихотвореніе Пушкина, а на другую пуды «Извѣстій», тонны политграмоты... Нельзя сомнѣваться въ результатѣ. Никакая политическая анти-совѣтская литература не могла бы такъ успѣшно разложить основы коммунистическаго міросозерцанія. Старая, разстрѣланная, заплеванная, изгнанная русская интеллигенція можетъ сказать свое: «Нынѣ оглушаши». Побѣдители склоняются передъ ея святыней. Еще по-прежнему запрещены историческое прошлое Россіи. Ради новыхъ московскихъ проспектовъ сносятся не только церкви, но и Китай-городъ. Но уже въ школахъ учатъ исторію. Въ какомъ духѣ? — Нѣтъ науки, которую можно было бы изучать съ ненавистью къ самому ея предмету, и живая любовь къ родинѣ найдетъ ее и погребенной подъ мертвыми схемами социологическихъ обобщеній.

Но наша терпимость къ молодому русскому націонализму готова идти и дальше. Быть можетъ, — кромѣ странъ Азіи Россія единственная земля, гдѣ національная идея не исчерпала своего творческаго, культурнаго содержанія. Это зависитъ

отъ уродливаго развитія этой идеи въ теченіе 19-го вѣка. Представленная русскимъ классицизмомъ (Карамзинъ и Пушкинъ) и романтизмомъ (славянофилы), тема эта была снижена въ 60-ые годы до этнографіи, а потомъ и вовсе отодвинута въ сторону восторжествовавшимъ западничествомъ. Национализму эпохи Александра III уже не имѣлъ въ себѣ ничего культурнаго, превратившись въ апофеозъ грубой силы и коснаго быта. Лишь въ 20-омъ вѣкѣ, и то ко второму десятилѣтію его, культурная элита начинаетъ свое возвращеніе на родину. Впервые поставленъ вопросъ о формахъ и смыслѣ древне-русскаго искусства и заново, со временъ славянофиловъ, — вопросъ о русско-религіозности. Война и революція оборвали въ самомъ началѣ это духовное русское возрожденіе. Мы стоимъ опять, какъ сто лѣтъ тому назадъ, передъ загадкой Россіи, властно требующей своего разрѣшенія. То, что для Германіи совершенно поколѣшемъ братьевъ Гриммъ, у насъ осталось недодѣланнымъ Кирѣевскими и Далями. Теперь, когда тема Россіи стала актуально (а не потенциально лишь) вселенской, на русскую интеллигенцію ложится сугубый долгъ изученія и осмысленія судьбы Россіи. Этимъ самымъ мы лишь наверстываемъ упущенное и въ новомъ, 20-омъ вѣкѣ, выплачиваемъ старые долги 19-го

Но если національная идея не исчерпала себя въ русской культурѣ, то въ политической жизни настоящей и будущей Россіи национализмъ представляетъ несомнѣнную національную опасность. Россія — государство народовъ. Большинство изъ нихъ впервые пробудились къ національной жизни, и ихъ малодое самолюбіе чрезвычайно шепетильно. Они и сейчасъ съ трудомъ переносятъ свою зависимость отъ Москвы. Не въ большевизмѣ только дѣло. Власть болѣе гуманная и демократическая, но ярко національная, — власть русская встрѣтится съ еще большими препятствіями на «окраинахъ». Побѣда націоналистическихъ теченій въ Великороссіи рискуетъ просто взорвать Россію, которая не можетъ жить въ состояніи войны съ 45% своего населенія. Этой опасности не видятъ, не хотятъ видѣть національная эмиграція, которая, будучи убѣждена, что интеллигенція развалила Россію, по жрѣтъ своимъ силы работаетъ для ея расчлененія.

Для огромнаго большинства эмиграціи национализмъ до сихъ поръ былъ единственной общей формулой анти-большевистскѣй присяги. Мы здѣсь, чтобы хранить вѣрность національной Россіи. Эти слова имѣли смыслъ, пока Россія была онагомъ интернациональной революціи. Но что теперь можетъ противопоставить эмигрантскій национализмъ советскому?

Либераль знаетъ, за что онъ отрицаетъ совѣтскую власть: за убійство свободы. Демократъ знаетъ тоже: за насиліе надъ народомъ, за поддѣлку народной воли, за подавленіе всѣхъ формъ самоуправленія. Знаетъ и социалистъ: за эксплуатацію трудящихся массъ и профанацію самаго имени социализма, сдѣланнаго вывѣской для государственной каторжной тюрьмы. Знаетъ и просто безпартийный человѣкъ съ честью и совѣстью: за то, что власть воспитываетъ въ Россіи людей безчестныхъ и безсовѣстныхъ. У человѣка религіознаго всѣ основанія противостоятъ власти, сдѣлавшей атеизмъ государственнымъ исповѣданіемъ. Ну, а за что націоналисту ненавидѣть большевиковъ въ серединѣ второй пятилѣтки?

Я утверждаю, что у эмигрантскаго націоналиста ригъ зацѣпнѣтъ никакихъ основаній (кромѣ злопамятства) ненавидѣть большевиковъ. Его оппозиція основана на недоразумѣніи. Когда недоразумѣніе разсѣивается, вчерашній активистъ превращается въ возвращенца. По этому національному мосту прошли въ СССР смѣновѣховцы, часть евразійцевъ, проходятъ одиночки, отбившіяся отъ своихъ «частей». Давно уже красная армія стала кумиромъ зарубежныхъ націоналистовъ. Но почему ограничиваться арміей? Посмотрите на портретъ Сталина 1934 года. Типичный вахмистръ, вполне подь стать Буденному или Ворошилову. Ни одна черта въ его лицѣ не напоминаетъ бывшаго революціонера. Изъ-за чего же споръ? Офицеры изъ прапорщиковъ военнаго времени — противъ фельдфебелей, которые заняли командныя мѣста въ новой арміи. Изъ-за этого ли борьба?

А какъ обстоитъ дѣло съ русской культурой, которую мы призваны здѣсь «хранить»? Для большинства она исчерпывается пошлымъ романсомъ и патріотическимъ лубкомъ, прошла го столѣтія. Вся пропыленная, засиженная мухами обстановкз глухой русской провинціи, которая раньше стыдливо пряталась, теперь безстыдно выпираетъ наружу, требуетъ себѣ признанія — на нашихъ публичныхъ собраніяхъ, на литературныхъ вечерахъ, на страницахъ журналовъ. Даже самыя ответственныя оказательства русской культуры, руководимыя интеллигенціей, свидѣтельствуютъ о страшномъ упадкѣ вкуса, о несомнѣнной деградации. «Дни русской культуры» и другія предпріятія того же рода даютъ образцы второго и даже третьяго сорта. Подлинно-творческая работа немногихъ — не по «храненію», а по движенію русской культуры — протекаетъ среди всеобщаго равнодушія. Спускаясь еще ниже, мы встрѣчаемся съ прямой культурофобіей. Одни ненавидятъ культуру, какъ созда-

ніе интеллигенціи — политическаго врага. Другіе — масса молодежи — убѣждены, что Россія потребуеть отъ нихъ экзамена въ воинскомъ строѣ, а не въ знаніи Пушкина.

Въ Россіи уровень культуры, вѣроятно, еще ниже. Но тамъ какая духовная жажда и голодъ у массы, впервые дорвавшихся до книги! Изъ-за классоваго презрѣнія къ интеллигенціи, творившей культуру, все сильнѣе пробивается уваженіе къ ней, борющейся за народное освобожденіе. Вотъ и оказывается, что эмигрантская националистическая молодежь равняется не по народнымъ массамъ въ Россіи, а по ея военно-политическимъ командирамъ.

Одно изъ самыхъ тягостныхъ недоразумѣній эмигрантской «культуры» это донинѣ не разорванная связь между военнымъ национализмомъ и Церковью. Если въ старой Россіи Церковь была связана съ государствомъ, то въ русскомъ бѣженствѣ она оказалась связанной съ однимъ изъ элементовъ государства: арміей. Отступившая и перешедшая на мирное положеніе армія продолжаетъ смотрѣть на священниковъ и даже на епископовъ какъ на своихъ «капеллановъ», обслуживающихъ военно-походныя нужды. Этотъ новый социальный заказъ сказался въ тенденціи къ милитаризаціи Церкви. Молодежь энергично настаиваетъ на освященіи Церковью своего боевого активизма. Отсюда конфликты съ духовно-мистическимъ и социально-культурнымъ направленіями въ церковномъ обществѣ, — конфликтъ особенно драматическіе въ христіанскихъ организаціяхъ молодежи.

Но эта тема пріобрѣтаетъ всю свою остроту и болѣзненность въ свѣтѣ исторической традиціи русскаго православія. Въ Россіи Церковь нѣкогда строила государство, и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ жила въ религіозно-національной атмосферѣ «святой Руси», какъ средоточія и хранилища православія. Ослабленность вселенской связи — даже съ восточными Церквями — при крайней связанности съ государствомъ, дѣлала русскую Церковь однимъ изъ самыхъ національныхъ организмовъ въ христіанствѣ. Я даже думаю, что самая формулировка религіозно-національной идеи, чуждая древней и греческой Церкви, совершилась на русской почвѣ. Это нѣкогда великое открытіе «новыхъ» кievскихъ христіанъ — религіозной цѣнности соборныхъ личностей, народовъ, со временемъ легло тяжкимъ бременемъ на выносившую его русскую Церковь: впервые въ Москвѣ 16-17-го столѣтій, приведя къ отрыву отъ вселенской христіанской жизни и окостенѣнію всего стіля жизни; вторично въ 19-омъ вѣкѣ, заглушая самоинѣніемъ и самодоволь-

ством ростки новой жизни, пробивающиеся со времени первого славянофильства.

Правда заключается в томъ, что національная идея, по происхожденію языческая, получила христіанское крещеніе — довольно позднее, — въ свѣтъ ученія о соборной личности. Съ этого момента она входитъ существеннымъ ингредиентомъ въ синтезъ христіанской культуры. Однако необходимымъ условиемъ ея нормальной жизни является ея соподчиненность другимъ великимъ идеямъ, образующимъ полноту Истины. Вселенское принадлежитъ къ болѣе глубокому и первичному слову въ христіанствѣ, нежели національное. Церковь Христова родилась какъ вселенская, и жива лишь тамъ, гдѣ вселенское сознание не заглохло.

Въ наше время въ извѣстныхъ кругахъ стало тризмомъ утвержденіе, что христіанство, по природѣ, противно интернаціонализму, но что оно, по природѣ же, освящаетъ національность. Отсюда прямо выводится, что въ борьбѣ интернаціонализма съ націонализмомъ, которая происходитъ въ мірѣ, мѣсто христіанства заранее указано въ національномъ станѣ. Это положеніе принадлежитъ къ числу полуистинъ, которыя также можно назвать и полуложью. Справедливо, что интернаціонализмъ, понимаемый какъ механической сплавъ потерявшихъ свой духовный обликъ народовъ, противенъ персоналистической природѣ христіанства. Но столь же справедливо, что націонализмъ, возставшій противъ вселенскаго единства во имя обособленнаго эгоизма частей, не имѣетъ ничего общаго съ христіанской идеей челоуѣчества. Если отрицать, то надо отрицать оба начала — интернаціонализмъ и націонализмъ одинаково, утверждая одновременно народность и вселенскость. Пусть ужъ русскія с... а останутся за христіанскими понятіями, а иностранныя несуть одіозное клеймо: *marca diaboli*.

Национализмъ сегодня, какъ коммунизмъ вчера, сдѣлался однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій сатанинскихъ силъ, господствующихъ въ мірѣ. Удивляться ли этому, если вспомнить судьбу коммунистической идеи? Коммунизмъ, т. е. общеніе, братство любви, съ нераздѣльнымъ владѣніемъ — «никто ничего не называлъ своимъ» — родился вмѣстѣ съ христіанствомъ: это идеалъ жизни первоначальной христіанской общины (Дѣян. IV, 32). Онъ остается идеаломъ для совершеннаго христіанина — въ монашествѣ. Но что изъ него сдѣлалъ механизмъ безбожнаго вѣка? Национализмъ, гораздо слабѣе укорененный въ христіанствѣ, чѣмъ коммунизмъ, вырождается еще съ большей легкостью. Та же судьба постигаетъ всѣ, самыя вы-

сокія цѣнности, когда онѣ отрываются отъ животворящаго Центра жизни. Наука вырождается въ позитивизмъ, искусство въ эстетизмъ, и, замыкаясь въ себя, становятся приближеніемъ демоническихъ силъ. Наша эпоха, поскольку это эпоха распада, порождаетъ жестокий вампиризмъ возставшихъ на Бога идей-ангеловъ.

Впрочемъ, открытый бунтъ не послѣднее зло: хуже предательство изнутри. Атеизмъ все-таки честнѣе корыстной эксплуатаціи имени Божія. Въ порядкѣ адской іерархіи націонализму выпала эта горшая судьба. Князя міра сего пытаются скрѣпить его религіознымъ цементомъ, учитывая практическую полезность тысячелѣтняго матеріала. Такъ въ средневѣковомъ Римѣ пережидали на известъ мраморъ руинъ. Всуе поминаемое имя Божіе не изгочаетъ демоновъ; безбожная суть остается. Возрастаетъ лишь соблазнъ для слабыхъ духомъ, увлекаемыхъ видимостью благочестія и мнимымъ традиціонализмомъ на пути и тропинки, запретные для христіанина.

Каково же должно быть наше практическое отношеніе къ націонализму, разливающемуся въ массахъ эмигрантской молодежи? Борьба, которую надо вести съ нимъ, не можетъ быть борьбой на истребленіе. Это борьба-воспитаніе, просвѣтленіе, облагороженіе. Мы были бы преступниками, если бы въ борьбѣ съ коммунизмомъ пытались задушить самую идею общенія, солидарности, безклассоваго общества. Столь же нелѣпо было бы пытаться искребить идею націи, любовь къ Россіи, исканіе національнаго призванія. Отдадимъ должное тѣмъ русскимъ юношамъ и дѣвушкамъ, которые устояли передъ соблазномъ легкаго растворенія въ окружающемъ иноземномъ мірѣ и выбрали трудный путь изгнанничества, нужды и борьбы. Горе ихъ въ томъ, что они не знаютъ Россію. Безсильные представить себѣ ея мучительно-прекрасное, трагическое лицо, они подмѣняютъ ее, какъ это дѣлаютъ иностранцы, дебелией бабой въ борскомъ костюмѣ. И чтобы найти путь къ ней, къ этой заколдованной красавицѣ, они выбираютъ въ вожди Гитлера и Муссолини, довѣряясь имъ больше, чѣмъ Хомякову и Достоевскому. Ну, что-жъ! Намъ приходится разоблачать обманъ. Неустанно, черта за чертой возстановливать сложный ликъ Россіи изъ множества противорѣчивыхъ ея отраженій. И доказывать, что эта работа возсозданія распавшагося образа Россіи есть единственное, чего Россія ждетъ отъ своихъ изгнанныхъ дѣтей. Мы можемъ спокойно предоставить Красной Арміи заботу объ охранѣ русскихъ рубежей, а комсомольцамъ и пионерамъ игровъ солдатки. Понять, что политика здѣсь намъ еще не дана, какъ

непосредственное народное дѣло, но лишь какъ предметъ изученія, подготовки, воспитанія. А главное, главное — что можетъ быть выполнено здѣсь, а не тамъ, это поднять упавшую русскую культуру. Ибо въ этой сферѣ познаніе есть творчество. Национальное самосознаніе Россіи есть въ то же время и воскрешеніе ея къ духовной національной жизни. И вотъ, углубляясь въ этотъ огромный духовный міръ, называемый Россіей, мы поймемъ, какъ нелѣпы и даже кошунственны сусальныя краски для описанія его и фашистскіе приемы для овладѣнія имъ. Россія сама насъ научитъ своей мудрости: тому, что родное и вселенское не два, а одно, и что народъ тогда всего вѣрнѣе выполняетъ свое призваніе и достигаетъ подлиннаго величія, когда отвергается себя и отдаетъ себя на служеніе Христу, какъ вѣчной Правдѣ.

Г. Федотовъ.